

1 июля 1941 года Ушачский район Витебской области, где я работала, был оккупирован немецкими войсками. Эвакуироваться мы не успели. Фашисты, когда пришли к нам, стали наводить свой порядок. Распустили колхозы, везде писали и кричали «Гитлер — освободитель».

в районном центре УШАЧИ, в здании бывшего райкома партии, сделали свою комендатуру, повесили портрет Гитлера. А напротив, через дорогу, поставили виселицу. И 12 июля вешали по четыре человека наших невинных коммунистов, это было очень страшно.

На Москву шла пешая немецкая сила. Немецкие войска останавливались на поляне, немцы ходили по хатам, собирали продукты: мясо, сало, яйца, молоко, хлеб. Отбирали свиней, которых жарили прямо посередине поляны, сидели возле костра, пили водку, пьяные пели песни. И все кричали: «Сталину — капут! Хайль, Гитлер!»

К 65-летию Великой Победы

Как я попала в партизаны

В этом году наш народ отмечает 65-летие Великой Победы в Великой Отечественной войне (1941-1945). Историко-художественный музей начинает публикацию материалов из фондов музея, посвященных этой дате. А начнем мы с воспоминаний Татьяны Карповны Шашкиной, многим известной в нашем районе фельдшера-акушера районной больницы. Воспоминания были написаны специально для музея.

В середине августа немцы нас всех стали выгонять на дорогу. Женщин с детьми — в одну сторону, мужчин — в другую. На нас наставили пулеметы. Женщины подняли крик и плач. Потом переводчик стал переводить, что говорил немецкий офицер: «Завтра к немецкой комендатуре вы должны привезти мясо, хлеб, муку, сало, яйца и другие продукты». Так крестьяне стали собирать продукты, и на утро тронулся обоз к немецкой комендатуре.

Потом стали собирать евреев, их согнали в один квартал, обнесли колючей проволокой, заставляли их возить воду на себе, мести улицы и рыть большой котлован. А потом их стали расстреливать.

Однажды утром их погнали к этому котловану, шли женщины с детьми, мужчины. Страшное зрелище. Их гнали цепочкой, по краю котлована, а по ним строчили пулеметы. Мы стояли и смотрели на них, метрах в трехстах, вспоминать очень больно. Последних живых, человек десять, заставили закапывать могилу, потом их отогнали в Полоцк. Из могилы два дня слышались стоны, и она дышала. Потом немцы собрали русских детей и брали у них кровь для своих раненых. А подростков увозили в Германию.

Я работала в сельхозхозяйстве, умела косить, жать, молотить, так как выросла в деревне. Лечила и оказывала помощь мирному населению. Работала на по-

лях больше ночью, днем стали убегать в лес, спасаясь от немцев.

Весной 1942 года пошли слухи, что где-то недалеко партизаны разбили немецкий гарнизон. 2 августа 1942 года у нас организовалась группа добровольцев: пять мужчин и я, чтобы идти к партизанам.

Пошли в ночь, обходили деревни, где были немцы, переходили речки, болота, так прошли километров сорок, и к утру, в лесу, мы нашли партизан. Партизаны накануне приняли бой, штурмовали одну деревню, и погибла девушка Рая. В наш приход ее хоронили. На могиле партизаны давали салют и обещали бить врага до последней капли крови. Отряда нашего еще не было. Каждый день подходили добровольцы и быстро организовали отряд им. Невского, бригада Чапаева 1-го Прибалтийского фронта.

В отряде было три взвода, из медработников я была одна. Нам дали зону в районе Ветрино, у железной дороги. В станции Вет-

рино стоял немецкий гарнизон, был бронепоезд, артиллерия и авиация. Мы стояли в пяти километрах от станции. Вот и первый бой — сентябрь 1942 года. Немцы шли на нашу деревню, Межигорье, которая была на горе. Один наш взвод окопался на кладбище, другой зашел в тыл врага. Я была с первым взводом, мы залегли, у нас была выгодная позиция. Утро, кругом тишина. Первыми огонь открыли немцы. Начался бой. У нас был один станковый пулемет и несколько автоматов. А немцы били из бронепоезда и пулеметов. Сила была на их стороне, к тому же у них были мины, о которых я слышала и видела впервые. Наши отвечали сильным огнем, бил пулемет.

Вдруг я слышу: «Медичка, пулеметчик ранен». Я по траншее стала пробираться к пулемету. Пулеметчиком был Леша Василевский, голова его повисла на пулемет, руки дергались на его ручке. Стала Лешу стаскивать в траншею, руки его еще крепко держались за пулемет, и он кричал, что

Татьяна Карповна Шашкина

еще будет стрелять. Ранение было сквозное-легочное. Протащила я его по траншее, потом немного в низину и стала перевязывать. Потом потащила дальше, к повозке. Перевязала еще раз и повезла в партизанский госпиталь, от нас в 10 километрах. Довезти не удалось, по дороге он умер. Вот так прошло мое первое боевое крещение.

Бой закончился нашей победой, немцев в деревню мы не пустили.

Светлана МАРТАЗОВА,
директор музея

(Продолжение следует)

Весной 1942 года нас перевели в Полоцкий район, в шести километрах от Полоцка. Там стоял крупный немецкий гарнизон. Жили мы в землянках, ходили на задания, охраняли свою территорию.

НИКОГДА МНЕ НЕ ЗАБЫТЬ командира взвода Сашу Турлова, это был сибиряк, сильный парень, его взвод посылали на самые трудные участки. Я была в его взводе. Он никогда не уходил без меня на боевые задания, говорил: «Медика, будь готова». Медикаментов у меня было мало, бинты делала сама из простыней, лечила партизан своими средствами.

Вспоминается мне еще один случай. Однажды под Полоцком,

Окончание. Начало в № 12 от 9.02.2010 г.

Мемуары

Как я попала в партизаны

где была наша оборона, немцы сняли часовых и заняли нашу линию обороны. Тревога, два взвода собрались в считанные минуты. Прошли километра четыре, впереди березовая роща. Немцы подпустили нас близко и открыли огонь. Мы шли в гору, позиция у нас была невыгодная, пришлось нам открывать огонь и двигаться к своей передовой.

— Вперед, вперед! — кричал Турлов.

Вдруг передо мной закричал парень: «Меня ранило», — это был Шерстиев. Я была рядом с ним, схватила его за рукав и потащила вниз, обратно с горы, осмотрела, где рана. Ранение было в брюшную полость. Перевязала, потащила к повозке. Навстречу бежит командир, а я ему говорю, мол, давай извозчика, а он ответил, что

извозчиков нет, вези, мол, быстрее сама, а то немцы сейчас перхватят мост, и ты останешься. Так пришлось мне везти одной раненого лесом пять километров, до госпиталя. По дороге он просил пить, а пить было нельзя, ругал меня матом. Я кое-как довезла до деревни Рыбаки, где был госпиталь, который разместился в начальной школе.

...Никогда мне не забыть блокаду партизан. 9 марта 1944 года. Немцы на нашу партизанскую зону пустили танки, пробрались к нам прямо в тыл, обстреляли госпиталь и землянки. Нам пришлось оставить землянки.

Немцы стали нас преследовать всюду, прочесывали леса цепочкой, с собаками. В июне, в районе Ушачи, немцы окружили нас в лесу, согнали тридцать ты-

сяч партизан. В лесу нас бомбили, работала артиллерия. Четыре дня мы сидели в окружении, готовили прорыв. С нами было и мирное население.

Наступил вечер. Залпом наши открыли огонь, немцы ответили сильным ударом. Начался бой, который длился беспрерывно 40 минут. Начальник штаба Коваль командовал: «Вперед! Вперед!» Немцы стали бить из артиллерии, прилетели самолеты, не описать этот прорыв. Немцы заняли две деревни, а мы прорывались между этими деревнями. Надо было пробить долину 1,5 километра. Деревни горят, немцы бьют перекрестным огнем, кажется, горела земля и небо. Выйдя из окружения, пошли болотом в другой район. День просидели в лесу, а в ночь нам предстояло перейти бо-

лото. Зашли в болото и шли всю ночь. Вода нам доставала под самые мышки, сил уже не было, мы сбрасывали полушубки. На рассвете немцы нас обнаружили, включили прожектора и открыли огонь. Отбиваться было нечем, и мы пошли обратно в болото, прошли 12 километров. Из болота вышли уставшие, мокрые, сидели в шалашах целый день, а в ночь опять пошли, сидеть было нельзя.

Фронт шел на Запад, немцы жгли оставшиеся деревни, наши спасались группами, кто как мог. Над нами летали самолеты — и наши, и немецкие, кругом взрывались снаряды. Все ждали победу, ждали наших. Это было самое дорогое слово «наши». Уже четыре месяца блокады. И ни разу за это время мы не ночевали ни в землянках, ни в хатах, только на

земле, в воде. Ни разу не сушились, не видели капли горячей воды.

24 июня 1944 года был ясный, солнечный день. Мы впервые за эти месяцы разулись и сушились. Вдруг кричат (а с нами было и мирное население): «Товарищи партизаны, на опушке наши солдаты». Мы быстро вскочили и побежали. Бежим, видим, стоят наши артиллеристы. Они нам сказали, чтобы мы шли отдыхать, что мы свободны. Но отдыхать было некогда, надо было очищать леса и поля от раненых и трупов, и в лесу мы много находили живых детей. Они были отекие от голода и холода. Потом мы отправились в Витебск за документами, счастливые. Но из 130 человек моего взвода в живых осталось только 37 человек. Вот какой ценой нам досталась Победа.

Фельдшер отряда
им. Невского Т. ШАШКИНА
22.04.78 года

Публикацию подготовила
С. МАРТАЗОВА,
директор музея